

Вергеенко С.А.

кандидат філологічних наук,
доцент кафедри белоруського мови
Гомельський державний університет
імені Франціска Скарыны

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ОБРАЗА ДОМОВОГО В ЗАГОВОРНОМ ЖАНРЕ

***Анотація.** Стаття присвячена аналізу образів нижчої міфології в замовних жанрі. Особлива увага приділяється амбівалентності образу домовика. Відзначається як шкідлива сутність домового, так і його доброзичливість до господарів будинку. Описуються й аналізуються способи захисту від будинкового. У статті використано багатий фольклорний матеріал.*

***Ключові слова:** змова, персонаж, нижча міфологія, амбівалентність, домовик.*

***Vergeenko S.A. Ambivalence of the Image of a Brownie in a Conspiracy Genre.** The article is devoted to the analysis of the images of lower mythology in the conspiracy genre. Particular attention is paid to the ambivalence of the brownie image. Both the harmful essence of the brownie and his benevolence towards the owners of the house are noted. Methods of protection against brownies are described and analyzed. The article uses rich folklore material.*

***Key words:** conspiracy, character, lower mythology, ambivalence, brownie.*

Древняя поэзия выросла из повседневной жизни, а поскольку в своей жизни человек сталкивался и с удачами, а наиболее часто его подстерегали неудачи, то все окружающее пространство он населял высшими и низшими божествами. Поистине, как считает Дж. Вико, «первые люди, как бы дети рода человеческого ... были принуждены сочинять поэтические характеры, т. е. фантастические роды, или универсалии, чтобы сводить к ним, как к определенным образцам или идеальным портретам, все отдельные виды, похожие каждый на свой род» [1, с. 87].

В силу своей архаичности заговоры аккумулировали в себе мифологические представления древнего человека. Базовым понятием, определяющим и влияющим на духовность народа, на его национальное сознание и одновременно отображающие его, являются те этносимволы, существование которых насчитывает не одно тысячелетие, которые

создают, определяют и характеризуют эти национальные мифологические представления. Одним из таких этносимволов, в образе которого сконцентрировано все зло, является нечистая сила – сначала в виде персонифицированных сил-духов, которые населяли все пространство и превращали его в хаос, затем появились такие образы народной демонологии, как домовый, водяной, болотник, русалки и т.п. Но особенно зловредными, которых было невозможно задобрить и привлечь, «перетянуть» на свою сторону, были ведьма и кикимора. И вся эта нечисть была в услужении и полном подчинении у одного из наиболее распространенных в общеславянской мифологии существа – черта. В пассивной памяти белоруса-полешука сохранились произведения заговорного жанра различных функционально-тематических групп, где присутствуют эти образы народной демонологии, а отдельную группу заговоров составляют «защитные заговоры от злых духов и опасных существ, природных явлений: от грома, от домового, от хлевника, от лешего, от ведьмы, магов, от залама, от нечистой силы, «нарадкі», «стаття», «подвея» [2, с. 15].

Справедливости ради следует отметить, что записи заговоров от нечисти немногочисленные и поэтому они представляют собой особую ценность для исследователя-фольклориста. В одном из изданий, посвященном белорусским заговорам, академическом томе «Заговоры» [2] собраны произведения и от нечистиков-демоноподобников: домового, дворового, хлевника, лешего, ведьмы, русалки и других. В текстах заговоров «От нечистой силы» бесы упоминаются в ряде других опасных «объектов», от которых необходимо избавиться, например, «...храбры пабеданосец, зашчыці і памілуй ад звера ляснога, ад чалавека ліхога, ад чарадзеяў, ад ліхадзей, ад непряцяляў, ад наступетнікаў, ад ябеднікаў, каторы на нас наступаюць і нам ўсё зло думаюць...» («Замова ў дарогу ці куды») [2, с. 47, № 61], «...і загаваруюся і замаўляюся ад чараўніка і ад чараўніцы, і «д разлушніка і ад разлушніцы» («Ад нячыстай сілы, нарадкі») [2, с. 49, № 69], «ангалі мае храніцелі, збаўця раба Богага ад нячыстыя сілы, ад трыдзевяць калдуноў, ад трыдзевяць ведуноў і вядунняў, ад калдуна і ад калдуніхі, ад уражэскія сілы, ад нячыстага духа, ад ведзьмы-чарадзеяніцы» («Ад нячыстай сілы, нарадкі») [2, с. 49, № 70] и т.д.

В упомянутом выше издании несколько заговоров адресуются персонально домовому («Ад дамавога», «Да дамавога», «Да дамавіка» и др.). Встречаются тексты, которые можно отнести к группе охранных заговоров, когда формально упоминается один персонаж, а по сути речь идет о другом. Для примера приведем текст заговора «Ад дамавога», записанный в

д. Бартоломеевка Ветковского района Гомельской области: «Добры вечар табе, дзядзішча, шырокая барадзішча, кучаравая галавішча. Калі ж ты свой дамавы, жыві ж на месце...» [2, с. 41, № 37]. На первый взгляд, заговаривающий обращается к домовому (в тексте даже приводится его типичное описание), однако далее персонажу предлагается «абходзься каля гэтай скаціны, бурай (чорна-пёстрай) шарсціны па чэсці». Слова заговора подкрепляются ритуально-акциональный частью: «...калі з каровай (ці іншай скацінай) нешта здарыцца. Тады адразаюць з цэлай булкі хлеба акрайчык, бяруць соль і на велікодным ручніку ўносяць у хлёў, тройчы абходзяць жывёлу, прагаворваючы замову, а потым усё прынесенае кладуць недзе на бэльку – “ніхай ляжыць там доўга”» [2, с. 398]. Как видим, в произведении и вербальный, и акциональный компоненты связаны с животным, а хлеб (как атрибут жертвоприношения) несут в сарай. Только присутствие в вербальной части обращения к домовому «...калі ж ты свой дамавы, жыві ж ты на месце» формально напоминает заговор от домового. Вчитываясь в текст, убеждаешься, что бывают случаи, когда банальные, затертые штампы, которые, казалось, давно утратили ощущение поэтичности, вдруг оживают. Автор заговора владел неповторимой остротой зрения, поэтому мир, который он наблюдал, отличался восхитительными красками и волшебными образами, приобретая своеобразный, удивительно поэтический смысл. Только в детстве (а заговор и возник на стадии детства человечества) возможна такая непосредственность и тонкая наблюдательность. Поэтому совсем не случайно, что, по признанию информатора, ее привлек этот заговор в детстве: «Я калі-то малая была, матка лячыла, а мне ета інцэрэсна, што «шырокая барадзішча, кудрявая галавішча». Вывучыла я і да сіх пор умею» [2, с. 398].

В связи с рассмотрением вышеупомянутого варианта заговора обратимся к следующему [2, с. 41, № 38]. В этом тексте все стало на свое место: «Мой дамавой, хадзі разам са мной, жыві на месце, абходзься кала рабы Божае Ганны (ці Моці) па чэсці. А калі ты чужой, дак абыдзі мяне стараной».

Текст еще одного заговора «Ад дамавога» [2, с. 42, № 41] позволяет предположить, что в представлении нашего древнего творца в среде представителей низшей демонологии существовала своя субординация. Так, в микромотиве «Обращение заговаривающего к домовому» заговаривающий (субъект действия) явно выделяет домового (объект действия) как главного над дворовым или хлевником, и даже над колдунами, колдунницами и ведьмами. Обращаясь к домовому, автор почтительно называет его «дамавы хазяін і дамавая хазяюшка». Как и в приведенном выше тексте, домовый

выполняет двуединую функцию: и предписываемую домовому («ведзьмаў-калмыкоў ... да гэтага дома не дапускайце», т.е. охраняйте вверенную вам территорию) и заодно функцию хлевника: «животных не абіжайце: коней і кароў – і карміце, паіце і прыглядайце». В то же время домовый выполняет и защитную функцию: «нахожых і наброжых хлеўнікаў і хляўніц, і дамавікоў, і дамавіц да гэтага хлева не дапускайце – і ведзьмаў-калмыкоў і калдуноў-чараўнікоў, ведзьмаў-калмыцаў і калдуніц-чараўніцаў да гэтага дома не дапускайце».

В заговоре «Ад нячистой сілы» к домовому, как и к другим представителям низшей мифологии (лешему и полевику), заговаривающий обращается с просьбой о помощи: «памажы рабу Божаю ад прыткі раннія і палудзенныя, і вячэрнія, і палуношныя і з буйнай галавы, з ясных воч, з румянага ліца, з гаручай крыві, з буйнай касці і ‘д жыл, ад чорнага печаня, ад белага леганя» [2, с. 43, № 44].

Кроме текстов заговоров, адресованных непосредственно персонажам низшей мифологии, демоноподобники встречаются и в заговорах других функционально-тематических групп, особенно в группе хозяйственных. Напомним, что согласно классификации заговоров (по их назначению), предложенной белорусским фольклористом Г.А. Барташевич, в группу хозяйственных входят и ситуационные («От пожара» и др.). В одном ряду с другими представителями низшей демонологии домовый упоминается и в некоторых заговорах «От пожара». Так, в подобных текстах обращения заговаривающего адресуются к царю Городею, владеющему огнем, к царям земному, небесному, водяному, огненному, лесовому, домовому, которых умоляют: «уцішыця, уніміця» пожар [2, с. 38, № 23], а в тексте «Пры пажары» – умоляют еще и «лясного бацьку і лясную матку» [2, с. 38, № 24]. В заговоре «Ад пажару» домовому вместе с другими мифологическими персонажами под силу помочь человеку при пожаре: «Цар зямны, цар нябесны, цар вадзяны, цар агняны, цар лесавы, цар дамавы, прашу я вас, малю я вас, уцішыця, уніміця» [2, с. 38, № 23].

Образ домового встречается и в группе лечебных заговоров. Так, в заговоре «Ад уроку» просьба заговаривающего о помощи адресуется «усяму міру гасподняму» и в том числе домовому, причем обращение к этому мифологическому персонажу не только персональное, но и учтливое – домовый называется хозяин («упрашую ўвесь мір гасподні, і ўпрашую хазяінаў дамавых і палявых» [2, с. 280, № 942]).

В представлениях наших предков домовый был амбивалентным созданием: он мог быть и добрым, и злым, мог как помогать людям, так и вредить им. Так, в заговоре «Да дамавіка», записанном в д. Хутор

Светлогорского района Гомельской области, речь идет именно о вредном домовом, от которого стремятся избавиться навсегда. Заговаривающий обращается к нему с просьбой-требованием «тут табе не бываць і ўрэда не дзелаць ні схода, ні малода, ні пад поўна, ні маладзіком, ні вавек вяком» [2, с. 43, № 42]. Обращение заговаривающего сопровождается мотивом отсылания, который в данном тексте высказан довольно нетрадиционно. Обычно в мотиве отсылания называются места, антилокусы, которые ассоциируются с «тем» светом, царством мертвых, преисподней, куда отсылается болезнь, или, как в нашем случае, бесы. Такими местами являются сухой лес или болото, или мхи, гнилые колоды и т.д. В анализируемом тексте мотив отсылания представлен предложением «ідзі, шукай лесавіка». По сути заговаривающий отсылает вредного домового подальше от дома, в лес к лешему (которого, кстати, надо еще найти), как в сказке: «Иди туда, не знаю куда...». Как видим, мотив отсылания здесь высказан довольно примечательно, нетрадиционно. В этой просьбе-требовании хозяин надеется избавиться от злостного домового навсегда.

Несмотря на вредоносную сущность домового и других бесов (лешего, водяного), в некоторых случаях их можно задобрить различными угощениями («сталы настаўляю, скацерцямі засцілаю, хлеб-соль пакладаю, мёд і віно ў кубкі наліваю») и договориться, чтобы они «сваю ярасць унімалі з такога-та раба чалавека, з буйнае галавы, з румянага ліца, з чорных бравей, з ясных вачэй, із нутрэі, із печані, із жыл, із пажыл, з сустаў, з палусустаў» [2, с. 43, № 43]. Этот пример напрямую соответствует бытующему до сих пор в народе представлению о том, что домовому обязательно нужно (особенно по праздникам, и если во время приема пищи, упадет кусочек, значит это домовый просит угощения, и упавшее нужно обязательно ему отдать) оставить угощение вблизи места его обычного пребывания: под печью, под/в венике, в углу возле печи и т.д.

И все же домовый, как и другие бесы, в осознании наших предков представал опасным существом, от которого необходимо защищаться, в том числе и с помощью высших божественных сил: «Госпаду Богу памолімся і Матары Божай прыклонімся! Хрэст Хрыстоў у рабу Божам (Паўлу), хрэст Хрыстоў і на Паўлу; хрестом Хрыстовым бесяў адганяць. Адступіцеся, бесі праклятыя, да ня дзелейца ні ядынья ўрэды! Тут жывуць ангалы і архангалы, харувемы і сарахвымы і чатыры вангалістыя: Матвей і Марка, і Лука, і Іван Баслоў, і раб Божы Павял» («От домового») [2, с. 43, № 45].

Таким образом, в произведениях заговорного жанра отразились народные представления, связанные с персонажами низшей мифологии, в частности с домовым, его внешним видом, местом пребывания,

функціональністю і способами предохранення, избавлення. Домовой в представлені наших предков – существо персонифицированное, наделенное своим неповторимым обликом и своим характером, способный как оказывать помощь по хозяйству, так и вредить. Поэтому и принимались соответствующие меры предосторожности.

Література

1. Вико Дж. Основания Новой науки. М.–К. : «REFL-book» – «ИСА», 1994. 656 с.
2. Замовы / уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч; рэдкал.: А.С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 597 с.

Горбонос О.В.

*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри слов'янської філології
та світової літератури імені проф. О. Мішукова*

Попов В.В.

*здобувач вищої освіти
факультету української й іноземної філології та журналістики
Херсонський державний університет*

**ХУДОЖНЬО-ФІЛОСОФСЬКА ПЛАТФОРМА ЕКЗИСТЕНЦІАЛІЗМУ
А. КАМЮ І БУТТЯ НАЦІОСОЦІУМУ СЬОГОДЕННЯ:
СПОГАДИ ПРО МАЙБУТНЄ**

Анотація. У статті розглядаються основні теоретичні положення екзистенціалізму А. Камю як змістові концепти його багатогранного творчого здобутку у теоретичному і художньо-прагматичному аспектах. Особлива увага звертається на типологічну співдію світоглядно-екзистентних позицій митця і сучасних реалій сьогодення європейського соціуму.

Ключові слова: екзистенціалізм, буття, абсурд, бунт, свобода, вибір, людина.

Horbonos O., Popov V. Artistic and Philosophical Platform of A. Camus' Existentialism and Being of Today's National Society: Memories of the Future. The article deals with the basic theoretical concepts of Camus' existentialism as